

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Аслан Хажисмелович Боров¹, Касболат Фицевич Дзамихов²

^{1,2}Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, Россия

Автор, ответственный за переписку: Касболат Фицевич Дзамихов, casbolat2013@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выяснение возможностей подведения единого концептуального базиса под исторический (ретроспективный) и актуальный (перспективный) анализ проблем культурно-исторической идентичности народов Северного Кавказа. Это предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, культурно-историческая идентичность, цивилизационный процесс, модернизация, глобализация

Для цитирования: Боров А. Х., Дзамихов К. Ф. Культурно-историческая идентичность на Северном Кавказе в контексте прошлого и настоящего // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 37–43. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-37-43>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

CULTURAL AND HISTORICAL IDENTITY IN THE NORTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF PAST AND PRESENT

Aslan Kh. Borov¹, Kasbolat F. Dzamikhov²

^{1,2}Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik,
Kabardin-Balkar Republic, Russia

Corresponding author: Kasbolat F. Dzamikhov, casbolat2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to clarify the possibilities of bringing a single conceptual basis under the historical (retrospective) and current (perspective) analysis of the problems of cultural and historical identity of the peoples of the North Caucasus. This implies a shift in focus from the search for the "principle of order" – features of primordial and stable socio-cultural identity, inevitably closed by the horizon of traditional culture, to the search for the "principle of development" – specific mechanisms of socio-cultural dynamics (changes, transformations), embodying the interaction of endogenous and exogenous development factors that mutually connect the past, present and future in the North Caucasian cultural and historical process.

Keywords: Russia, North Caucasus, cultural and historical identity, civilizational dynamics, modernization, globalization

For citation: Borov A. Kh., Dzamikhov K. F. Cultural and historical identity in the North Caucasus in the context of past and present. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):37–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-3-37-43>

Регион Северного Кавказа с 1990-х гг. занял особенное место в общественно-политическом и научном дискурсе, намного превосходящее его территориальные, демографические и экономические масштабы. Причины очевидны. Это – кризисный и конфликтный характер протекания в регионе социально-политических процессов на переходе от советской к современной государственности России; распространение и отчасти укоренение на социокультурной почве Северного Кавказа негативных элементов современного глобального развития – этнических конфликтов и сепаратизма, религиозного фундаментализма и экстремизма, терроризма; обусловленное всей совокупностью указанных выше обстоятельств, превращение региона в источник и «проводник» многообразных угроз для безопасности российского общества и государства.

Ситуация осложняется тем, что содержание и направленность «кавказской политики» России остается объектом противоборства различных идейно-политических течений. Публичное обсуждение проблем Северного Кавказа идет, как правило, в рамках трех общих подходов. Либерально настроенные аналитики в России и на Западе, а также представители международных организаций акцентируют вопросы обеспечения прав человека в регионе. Аналитики и политические деятели, исходящие из приоритетности державно-национальных интересов России, выдвигают на первый план задачи обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Интеллектуалы, представляющие этнические группы и республики Северного Кавказа, подчеркивают интересы и права народов региона в сфере сохранения своей этнической идентичности, языка и национального культурного наследия.

Во всех этих случаях в качестве явной или неявной посылки присутствует представление, что источником проблем, противоречий и конфликтов в регионе является его этнокультурное и конфессиональное своеобразие, его инаковость по отношению к основной культурной матрице современной России.

Действительно, народы Северного Кавказа наряду с общероссийской гражданской идентичностью, сформировавшейся в ходе длительного исторического взаимодействия и интеграции в состав российского государства сохраняют свою собственную национальную (этническую) идентичность, обусловленную их культурно-языковой самобытностью. На занимаемых северокавказскими народами территориях надежно прослеживается культурная преемственность, уходящая в глубокую древность.

Однако уже пять столетий история народов Северного Кавказа разворачивается вначале как «пересекающаяся», затем как совместная и, наконец, как единая со всеми народами России история. За последние годы коллектив Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН выпустил ряд исследований по соответствующей тематике [1–4]. На материалах истории народов Кабардино-Балкарии удалось показать, что взаимодействие России и Северного Кавказа являлось прежде всего взаимодействием цивилизационным. Оно соответствует двум базовым характеристикам культурно-исторической специфики региона: во-первых, Северный Кавказ исторически представляет собой область устойчивого взаимодействия разных этносов, культур и цивилизаций, а во-вторых, он давно и прочно интегрирован в общероссийское социально-политическое пространство. С одной стороны, эти особенности объективно сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – принципиально неустранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу.

Само присоединение или вхождение народов Северного Кавказа в состав Российского государства – это не просто политическое событие или процесс. В нем изначально присутствовало культурно-цивилизационное измерение, поскольку стороны взаимодействовали не просто в качестве политических единиц, «монад», но в качестве сложных социокультурных субъектов. Соответственно этому, «отношения между» Россией и народами Северного Кавказа продолжают существовать и в рамках единого государственного пространства (Российской империи, СССР или современной РФ), и важнейшим фактором, модулирующим состояние этих отношений, является уровень «взаимного понимания сторон» на уровне культурных

смыслов, социальных ценностей и политических принципов. Весь период преобразования традиционных для Северного Кавказа систем экономики, общества и культуры, обретения ими их современного облика целиком проходил под определяющим воздействием Российского государства.

В результате у народов региона в целом сформировалась российская идентичность как в политическом, так и социокультурном ее воплощении. Однако крах социалистической системы, распад СССР вызвали глубокий кризис идентичности на Северном Кавказе. Ослабление российской идентичности стимулировало этноэтноистские, региональные панэтнические, сепаратистские, исламистские идеологии, политические и геополитические проекты. С рубежа XX-XXI вв. начался процесс реконструкции российской идентичности, но он сталкивается с новыми вызовами [5].

Сложившаяся на Северном Кавказе в 1990-е гг. ситуация «плюрализма идентичностей» обостряет вопрос о возможности написать историю региона, которая была бы одной и той же для носителей различных идентичностей – российской или множества этнических, светской или религиозной, исламской или православной. Можно было бы спросить, сколько «прошлых» имеет такое множественное «настоящее» и сколько разных, но в одинаковой мере «объективных историй» региона может быть написано сегодня? Если ограничивать свой взгляд горизонтом текущей ситуации, то действительно можно оказаться в тисках познавательного скептицизма или субъективного произвола в интерпретации прошлого. Но если ориентироваться на будущее, в котором сохраняется возможность неконфликтного взаимодействия альтернативных программ, диалога социокультурных и политических субъектов «текущей истории», поддержания сложных, «многомерных» структур личной и групповой идентичности, то появится возможность различать «более» и «менее» объективные истории. Внутреннее богатство и подвижность такого будущего препятствуют редуцированию прошлого в простое обоснование какого-либо фундаментализма – державного, этнического, религиозного или идеологического. Предмет исторического анализа проблематизируется, поскольку проблемой, требующей решения, является искомое будущее. Познавательный интерес, направленный не на доказательство готовой истины, а на обобщение опыта прошлого, требует тщательного выявления и учета всех значимых фактов, как соответствующих, так и противоречащих той «идее будущего», которая положена в основу общей интерпретации исторического процесса.

Эта идея будущего может быть эффективной, если она будет строиться на базовых процессах современного мирового развития – глобализации и модернизации. Говоря о них часто забывают, что они представляют собой вызов, который встает не только перед Российским государством как политическим субъектом, но и непосредственно перед народами Северного Кавказа как социокультурными субъектами. Именно это обстоятельство задает и аналитические рамки для решения ряда проблем кавказоведения, и критерии для оценок тех или иных конкретных явлений региональной общественной жизни, и ориентиры для всех, кто так или иначе вовлечен в современную российскую и кавказскую политику.

Множество событий, каждодневно наблюдаемых в современной России так или иначе бросают свет на текущий цивилизационный процесс, процесс изменения социокультурных систем в результате их взаимовлияний. Что является наиболее характерным в его развитии в начале XXI века? Какие формы новой общей жизни России и Северного Кавказа кристаллизуются в конечном счете? Это зависит от того, будет ли российско-северокавказский цивилизационный процесс развиваться далее «стихийно», «неуправляемо» или в нем будут присутствовать культурно-историческая рефлексия и основанная на ней рациональная политика.

В случае стихийного развития цивилизационного процесса его формы и результаты будут определяться взаимодействием возникающих во внешней среде новых условий и сложившихся в прошлом социокультурных «привычек», стереотипов восприятия и действия. Ссылки на исторические корни современных коллизий и проблем являются общим местом в текущих обсуждениях северокавказской тематики. Действительно, проблемы

и коллизии современного развития Северного Кавказа являются, в конечном счете, порождением факторов культурно-исторического, цивилизационного порядка. Но речь идет не о столкновении «горской» или «исламской» цивилизации, скажем, с русской православной цивилизацией, а о неадекватности некоторых аспектов локального социального наследия требованиям «модернити», условиям современного конкурентного мира.

Значит ли это, что этнические общества на Северном Кавказе обречены на рабство у прошлого? Ответ на вопрос о возможности выбрать будущее, не порывающее с прошлым, но не являющееся его прямой проекцией в грядущее, зависит от принципов осмысления культурно-исторической специфики Северного Кавказа и культурно-исторической идентичности его народов.

Осознанная установка на расширение «горизонта прошлого», на включение всех различных этапов культурно-исторического развития региона в общую его интерпретацию может придать новую информативность хорошо известному историческому материалу. Прежде всего, становится очевидным, что этапы социокультурной эволюции региона характеризуются не только хронологической последовательностью и причинно-следственными связями. Имеют место смысловые отношения между ними по принципу герменевтического круга. Знание более поздних фаз эволюции проливает дополнительный свет на историческое содержание предшествующих этапов, а в контексте общего расширения «временного горизонта» каждое из исследуемых явлений и процессов приобретает новый смысл. Становится невозможным сведение культурно-исторической специфики Северного Кавказа к характеристикам любого отдельно взятого периода его существования, даже того, которому приписывается качества «аутентичности» – первоисточника или смыслообразующего ядра его исторической идентичности.

Осознанная установка на расширение «горизонта будущего» предполагает формулирование такой его «идеи», которая не сводится к прямой экстраполяции прошлых и нынешних состояний общества, а представляет собой открытую проблему. В этом случае «будущее» утрачивает характер неясного ментального образа, аффективного стремления или предмета безотчетной веры и превращается в теоретически разрабатываемый концепт. Такой концепт может включаться в анализ, быть предметом рационального обсуждения и выполнять логические функции в процессе решения проблем социально-политического развития Северного Кавказа.

Наконец, в смене этапов регионального исторического процесса очевидно нарастание масштабов и интенсивности воздействия внешних факторов на состояние, функционирование и трансформации обществ и культуры народов Северного Кавказа.

Таким образом, культурно-историческая специфика Северного Кавказа познаваема, прежде всего, в ее относительности, т.е. постольку, поскольку она проявляет себя вовне, в отношениях с иными обществами и культурами, и поскольку она разворачивается во времени, раскрывая те или иные свои аспекты в меняющихся исторических условиях. При этом современный исследователь должен ясно отдавать себе отчет в той «идее будущего», которой он руководствуется в своем анализе и обобщениях, и в тех выводах для общественной практики, которые он из них делает.

Следующий шаг заключается в определении способа реализации указанного подхода в исследовательской практике. Он предполагает смещение фокуса с поиска «принципа порядка» – черт исконной и устойчивой социокультурной самобытности, неизбежно замыкающейся горизонтом традиционной культуры, на поиск «принципа развития» – специфических механизмов социокультурной динамики (изменений, трансформаций), воплощающих взаимодействие эндогенных и экзогенных факторов развития, связывающих воедино прошлое, настоящее и будущее в северокавказском культурно-историческом процессе.

При таком подходе представляется возможным целостное «синтезное» осмысление этого процесса, которое будет резюмировать историю Северного Кавказа в социокультурном ключе, а не классифицировать «северокавказскую культуру» в цивилизационном ключе.

В заключительной части своей книги об истории Кавказа «Призрак свободы», профессор Джорджтаунского университета Чарльз Кинг ставит вопрос, насколько близки или далеки Кавказ и Европа. Может ли кто-нибудь действительно думать о Кавказе как европейском регионе? Интересно то, с каким элементом европейского опыта он связывает реализацию подобной перспективы: послевоенная Европа сумела ответить на травмы прошлого тем, что Ч. Кинг называет «творческой амнезией». Закладывая основы будущего Европейского союза, европейцы не столько смело вторгались в будущее, сколько возводили баррикады против прошлого. Европейский проект отмечен особым «тревожным» отношением к истории [6].

Можно ли перенести европейский опыт исторического обновления на северокавказскую почву и воплотить принципы «творческой амнезии» в цивилизационном процессе современного Российского Кавказа? Напряженное присутствие истории – характерная черта общественного сознания в местных этнических социумах. Но история их отношений друг с другом и с окружающим миром – это преимущественно история не межгосударственных, политико-правовых отношений, а история социальных и культурных взаимодействий. Ядро их представлений о прошлом составляет этнокультурная традиция. Критическое отношение к прошлому, а тем более забвение его, отождествляется ими с разрушением собственной идентичности.

Поэтому, весьма важно понимать, что «творческая амнезия» не может реализоваться на Северном Кавказе только как интеллектуальный проект или дискурсивная практика. Можно предложить обществам, народам Северного Кавказа помнить одно и забыть другое. Это могут быть вполне разумные предложения с точки зрения их актуальных «материальных» интересов, и все-таки они, скорее всего, будут отвергнуты, поскольку затрагивают основы личной и коллективной идентичности.

«Творческая амнезия» подразумевает не забвение, а коллективное переосмысление прошлого, которое делает возможным творческое, освобождающее и человеческое представление будущего, преодоление прошлого в социальном творчестве. Она становится необходимой и естественной, когда общества сами вступают на путь реального обновления условий собственного существования. В этом контексте преодоление локального социального наследия не сводится к его разрушению при столкновении с локальным наследием другой цивилизации. Оно подразумевает развертывание его собственного потенциала развития, открытости, сотрудничества, если угодно, конкурентоспособности. Для современного Северного Кавказа это означает, что ослабление «зависимости от пути», творческие решения и органичное включение в российский цивилизационный процесс XXI века возможно на путях модернизации.

Модернизация подразумевает не просто инвестиции и экономический рост в регионе, а преобразование институтов, формальных и неформальных. Преобразование институтов не может быть осуществлено «извне», федеральным центром и его представителями, местные общества должны стать агентами модернизации наравне с государством. Стать «наравне с государством» можно только через демократическое участие в делах государства. И только необходимость организовывать свою жизнь через демократические процедуры уже сегодня, приведет к развитию в местных обществах гражданственности в будущем.

Демократия и развитие оказываются синонимами «творческой амнезии».

Что касается связи цивилизационного процесса с политической прагматикой, можно указать, что такая связь является более чем реальным фактом глобального и регионального развития конца XX – начала XXI в. независимо от нашего отношения к нему. Неслучайно, интеллектуальная атмосфера последних двух десятилетий во многом определялась дискуссиями вокруг темы «столкновения цивилизаций» в интерпретации С. Хантингтона. Недооцененными остались идеи С. Хантингтона по поводу соотношения государства и цивилизации, цивилизационного процесса и политики. Они подразумевают не только влияние цивилизационных столкновений на политику внутри государств и между ними, но и участие государств в цивилизационном процессе, и влияние политики на этот процесс [7].

Труд С. Хантингтона воплощает рефлексию Запада по поводу современного цивилизационного процесса и выводит из нее рекомендации для политики, адекватной грядущей эпохе.

Через двадцать лет после появления статьи С. Хантингтона (лето 1993 г.) В. В. Путин выступил с речью, воплощающей культурно-историческую рефлексию России как «государства-цивилизации», столкнувшейся «с необходимостью поиска новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире». Он, по сути, констатировал, что угрозы для цивилизационной идентичности Запада, о которых предупреждал С. Хантингтон, набирают силу. Но в отличие от С. Хантингтона В. В. Путин сосредоточил внимание не на «столкновении цивилизаций», а на условиях глобальной конкуренции, не на цивилизационных «разломах», а на консолидации гражданской идентичности в полиэтничном государстве. Такая идентичность и национальная идея не могут быть навязаны сверху, подчеркнул он, здесь «необходимо историческое творчество», осмысление традиций «с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм»¹.

Современный Северный Кавказ как часть России сталкивается с той же проблемой цивилизационного развития, что и Россия в целом: проблемой модернизации и эффективной интеграции в геоэкономику и геокультуру XXI века при сохранении своей культурно-исторической идентичности. Влияния и контр-влияния России и Северного Кавказа в конечном счете выражают их закономерную социально-культурную конвергенцию в процессе поиска новой жизни. И проблема понимания на современном этапе цивилизационного развития – это проблема единого понимания общих вызовов, с которыми сталкиваются Россия и каждый из ее этно-региональных сегментов.

Список источников

1. Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557-1917) / рук. научн. проекта Дзамихов К. Ф., коллект. монография. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 543 с.

2. Дзамихов К. Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 353 с.

3. Дзамихов К. Ф. Адыги (черкесы) в истории России XVI-XVIII вв. История в лицах. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 197 с.

4. Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству: монография / Дзамихов К. Ф., Боров А. Х. [и др.]. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.

5. Черноус В.В. Российская идентичность на Кавказе: вызовы и ответы XXI в. / Россия и Кавказ: История и современность. Материалы научной конференции, 11-12 ноября 2004 года. Владикавказ, 2005. С. 312-316.

6. King Ch. The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus. Oxford: Oxford university press, 2008. P. 243-250.

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 603 с.

References

1. *Centuries of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)* / head of research project Dzamikhov K.F., team. monograph. Nalchik: Publishing Department of the ISG KBNC RAS; 2017. 543 p. (In Russ.)

2. Dzamikhov K. F. *"In service and protection ...". Kabarda and the Russian state: the era of military-political cooperation (1550s - early 1770s)*. Nalchik; 2017. 353 p. (In Russ.)

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения 09.10.2013).

3. Dzamikhov K. F. *Adygs (Circassians) in the history of Russia in the XVI-XVIII centuries. History in personalities*. Nalchik; 2018. 197 p. (In Russ.)
4. Dzamikhov K. F., Borov A. Kh. [et al.]. *Russia and the peoples of the North Caucasus in the 16th – mid-19th centuries: socio-cultural distance and movement towards state-political unity*: monograph. Nalchik: Publishing Department of ISG KBNC RAS, 2018. 268 p. (In Russ.)
5. Chernous V. V. Russian Identity in the Caucasus: Challenges and Responses of the 21st Century. In: *Russia and the Caucasus: History and Modernity*. Proceedings of the scientific conference, November 11-12, 2004. Vladikavkaz, 2005. P. 312-316. (In Russ.)
6. King Ch. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 243-250.
7. Huntington S. *Clash of Civilizations*. Moscow; 2006. 603 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. Х. Боров – канд. ист. наук, доц., ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

К. Ф. Дзамихов – докт. ист. наук, проф., директор Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».

Information about the authors

A. Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, Docent, Leading Researcher at the Center of Socio-political researches of Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

K. F. Dzamikhov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute for the Studies in Humanities – Branch Establishment of the Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 22.07.2022; принята к публикации 23.07.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 22.07.2022; accepted for publication 23.07.2022.